

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Робертсон Дэвис — один из величайших писателей
современности.

Малькольм Брэдбери

«Пятый персонаж» — одна из тех редчайших книг,
которой бы не повредило, будь она подлиннее.

Джон Фаулз

Волшебная загадка, неумолимо динамичный сюжет —
в лучших традициях «Любовницы французского
лейтенанта».

New York Times

«Пятый персонаж» написан человеком добрым и умным,
у которого я немало нашел, чему поучиться.

Сол Беллоу

В «Мантикоре» автор искусно подводит нас к мысли,
что если мы не совладаем с объективностью жизни,
то так и останемся в центре исполинской галлюцинации.

Уильям Кеннеди (New York Times)

В «Мир чудес» заложено гораздо больше — да, именно
чудес, чем может показаться, если обращать внимание
лишь на прихотливые зигзаги сюжетной линии. Из всех
романов Дэвиса — а каждый из них настоящий
праздник — именно этот может похвастать наибольшей
плотностью, богатством фактуры, глубиной подтекста,
точностью психологических наблюдений.

Newsweek

Психологизм для Дэвиса — это всё. Он использует все
известные миру архетипы, дабы сделать своих героев
объемнее. Фольклорный подтекст необъятен — от
праисточников гетевского «Фауста» до французского
аллегорического «Романа о Лисе» XII–XIII веков.

Причем эта смысловая насыщенность легко
воспринимается благодаря лаконичности и точности
языка, которым «Мир чудес» написан.

Книжное обозрение

Робертсон Дэвис

ПЯТЫЙ ПЕРСОНАЖ
МАНТИКОРА
МИР ЧУДЕС

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
Д 94

Robertson Davies
The Deptford Trilogy:
FIFTH BUSINESS
Copyright © 1970 by Robertson Davies
THE MANTICORE
Copyright © 1972 by Robertson Davies
WORLD OF WONDERS
Copyright © 1975 by Robertson Davies
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Пчелинцева («Пятый персонаж»),
Григория Крылова («Мантикора», «Мир чудес»)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке Ольги Закис

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Дэвис Р.

Д 94 Пятый персонаж ; Мантикора ; Мир чудес : романы / Робертсон Дэвис ; пер. с англ. М. Пчелинцева, Г. Крылова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 928 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16429-1

Робертсон Дэвис — крупнейший канадский писатель, мастер сюжетных хитросплетений и загадок, один из лучших рассказчиков англоязычной литературы. Он попадал в шорт-лист Букера, под конец жизни чуть было не получил Нобелевскую премию, но, даже навеки оставшись в числе кандидатов, завоевал статус мирового классика. Его «Пятый персонаж» сочли началом «канадского прорыва» в мировой литературе; сам Джон Фаулз охарактеризовал этот роман как «одну из тех редчайших книг, которой бы не повредило, будь она подлиннее». Последовавшая за «Пятым персонажем» «Мантикора» была удостоена главной канадской литературной награды — Премии генерал-губернатора. «Мир чудес» — завершающий роман «Дептфордской трилогии» — представляет собой автобиографию мага и волшебника Магнуса Айзенгрима, историю его подъема из бездны унижения к вершинам всемирной славы.

Итак, под одной обложкой — вся «Дептфордская трилогия». Это хроника нескольких жизней, имеющая фоном детективный сюжет, это книга о дружбе-вражде знакомых с детства людей, о тайне, завязавшей их судьбы в тугой узел; Первый станет миллионером и политиком, второй — всемирно известным фокусником, третий — историком и агниографом. Одному из них суждено погибнуть при загадочных обстоятельствах, двум другим — разгадывать загадку.

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, примечания, 2001

© Г. А. Крылов, перевод, примечания, 2001, 2003

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-16429-1

ПЯТЫЙ ПЕРСОНАЖ

В терминологии оперных и драматических коллективов, организованных в старом стиле, роли, отличные от четырех главных — Героя, Героини, Наперсницы и Злодея — и тем не менее существенные для Прояснения и Развязки, назывались Пятый персонаж; об актере, исполнявшем эти роли, нередко говорили как о Пятом персонаже.

Т. Оверскоу. Датские театры

I

МИССИС ДЕМПСТЕР

1

Миссис Демпстер навсегда вошла в мою жизнь 27 декабря 1908 года в 5:58 пополудни, мне было тогда десять лет и семь месяцев.

Моя полная уверенность относительно даты и времени основывается на том, что в этот день мы с моим заклятым другом, закадычным врагом Перси Бойдом Стонтоном катались на санках — и перессорились по той причине, что новенькие, шикарные санки, подаренные ему на Рождество, скользили хуже моих старых. Как правило, в наших краях не бывает слишком много снега, однако на то Рождество его почти хватало, чтобы прикрыть самые высокие сухие травинки на лугах; в таком глубоком снегу санки Перси с их высокими полозьями и дурацким рулевым управлением вели себя крайне неуклюже и все время застревали, в то время как мои, низенькие и немудреные, скользили как по маслу.

Та прогулка была для Перси сплошным унижением, а когда Перси считал себя униженным, он сразу давал волю своему мстительному характеру. У него были богатые родители и шикарная одежда, его кожаные перчатки были куплены в городском магазине, куда там моим шерстяным, маминой вязки; в таких условиях ну никак не могло стать, чтобы его пижонские санки бегали медленнее моих задрипанных; когда же эта кошмарная несправедливость стала окончательно очевидной, Перси начал злобствовать. Он пренебрежительно отзывался о моих санках, издевался над моими вязаными перчатками, а под конец даже заявил, что его отец лучше моего отца. Вообще-то, за такие слова полагается по физиономии, но тогда завязалась бы драка, которая могла бы закончиться ничьей или даже моим поражением, поэтому я сказал: прекрасно, тогда я пошел домой, а он может кататься тут сколько душе угодно. Это я ловко придумал,

потому что приближалось время ужина, а у нас дома было заведено, что никто и никогда не опаздывал к завтраку, обеду и ужину, никакие извиняющие обстоятельства в расчет не принимались. Так что я одновременно выполнял домашний закон и оставлял Перси в печальном одиночестве.

Всю дорогу в поселок он следовал за мной, выкрикивая мне в спину все новые и новые оскорбления. Я не иду, кричал он, а ковыляю как старая кляча, моя вязаная шапка — ну чистый дурацкий колпак, моя задница непомерно велика, и чего это я ей так вихляю, и прочее в подобном роде; Перси не страдал избытком воображения. Я не отвечал, зная, что это злит его больше, чем любые встречные оскорбления, и что каждый раз, когда Перси что-нибудь выкрикивает, он теряет лицо.

Наш поселок был настолько мал, что о таких роскошествах, как окраины, не могло быть и речи, вы входили в него сразу. Я демонстративно взглянул на свои новенькие — рождественский подарок — часы ценою в доллар (Перси не разрешалось носить часы, слишком уж они у него были хорошие и дорогие), увидел, что уже без трех минут шесть, только-только успеть заскочить домой, шумно, с плеском вымыть руки (родители почему-то считали этот плеск признаком тщательности), а ровно в шесть плюхнуться на свое место за семейным столом и склонить голову для молитвы. Перси к этому времени окончательно взбесился; было ясно, что ужин для него совсем испорчен, а пожалуй, и весь предстоящий вечер. Того, что произошло дальше, я никак не мог предвидеть.

Чуть впереди, в ту же, что и я, сторону шли, держась за руки, баптистский священник нашего поселка с супругой. Преподобный Амаса Демпстер в обычной своей манере чуть нависал над женой, словно пытаясь защитить ее от каких-то бед. Я давно уже привык к этому зрелищу, они всегда выходили на прогулку примерно в такое время — когда стемнеет, а люди сядут ужинать, — потому что миссис Демпстер ждала ребенка, а в нашем поселке не было принято, чтобы беременная женщина непременно показывалась на улице — во всяком случае, если она обладала каким-то статусом и хотела его сберечь, а уж супруга баптистского священника, конечно же, обладала статусом. Перси тем временем швырялся в меня снежками, а я успешно от них

уворачивался, ведь мальчишка, даже не глядя, чувствует, когда в него летит снежок, к тому же я знал Перси как облупленного. Я был уверен, что перед тем, как я скроюсь в доме, он попытается влепить мне между лопаток последний, оскорбительный снежок. В момент предугаданного мной броска я проворно шагнул в сторону, так что Демпстеры оказались между мной и Перси, — не отбежал, а только шагнул, — и снежок стукнул миссис Демпстер прямо по затылку. Она вскрикнула и соскользнула на землю, отчаянно цепляясь за своего мужа; мистер Демпстер успел бы ее подхватить, не обернись он сразу же назад, чтобы посмотреть, в чем там дело, кто там кидается снежками.

Я хотел было метнуться домой, но замер в замешательстве, услышав крик миссис Демпстер. Прежде мне ни разу не доводилось слышать, чтобы взрослые кричали от боли, поэтому звук ужасно резанул по ушам. Падая, она разразилась рыданиями; секунду спустя миссис Демпстер лежала ничком, а мистер Демпстер стоял на коленях, придерживая ее за плечи и бормоча какие-то нежности, что окончательно привело меня в смущение. Мне не доводилось еще слышать, как женатые люди — да хоть какие люди — выражают свою любовь столь беззастенчивым образом. Я понимал, что являюсь свидетелем «сцены», одного из тех серьезных нарушений благопристойности, против которых раз за разом настойчиво предупреждали меня родители. Я стоял разинув рот, и через какое-то время мистер Демпстер меня заметил.

— Данни, — сказал он (я даже не подозревал, что он знает, как меня звать), — одолжи, пожалуйста, мне санки, чтобы отвезти жену домой.

Я был полон вины и раскаяния, ведь снежок-то предназначался мне, однако мистер Демпстер вроде об этом не задумывался. Он положил жену на мои санки (ее хрупкое, как у девочки-подростка, телосложение делало эту задачу совсем необременительной), затем я потащил санки к их дому, а Демпстер шел рядом, придерживая плакавшую, как ребенок, жену, для чего был вынужден неловко изогнуться, и стараясь приободрить ее ласковыми словами.

Демпстеры жили совсем рядом, за ближайшим углом, но, пока мы туда добрались, пока мистер Демпстер занес жену в дом,

оставив меня снаружи, на моих часах было уже несколько минут седьмого, так что теперь можно было и не спешить: на ужин я все равно опоздал. Однако я бросился со всех ног домой (лишь на мгновение задержавшись рядом с местом происшествия), помыл руки, сел за стол и объяснил причину своего опоздания, бесстрашно глядя в суровые, недоверчивые глаза матери. Я самую малость искажил описываемые события, сильно, но в разумных пределах налегая на свою роль доброго самаритянина. Я воздержался от каких-либо комментариев и догадок относительно происхождения злосчастного снежка и почувствовал большое облегчение, когда мать не стала вдаваться в выяснение этого вопроса. А вот состояние миссис Демпстер ее волновало, и очень. Когда ужин закончился и посуда была вымыта, мать сказала отцу, что забежит на минутку к Демпстерам, посмотрит, не нужна ли им помощь.

Решение моей матери могло показаться несколько неожиданным, потому что мы, конечно же, принадлежали к пресвитерианской церкви, миссис же Демпстер была женой баптистского священника. Нет, в нашем поселке не было вражды между различными конфессиями, но как-то уж повелось, что каждая из них сама занималась своими делами, обращаясь к помощи со стороны исключительно в случаях крайней необходимости. Однако моя мать была на свой скромный манер специалисткой в делах, связанных с беременностью и родами. Доктор Макколанд отпустил ей однажды высочайший комплимент, сказав, что «миссис Рамзи думает тем местом, каким надо», и мать охотно ставила это самое место на службу практически любого, в том нуждавшегося. Кроме того, в ней жила тщательно скрываемая нежность к бедной глупенькой миссис Демпстер, такой молодой, всего двадцать один год, и абсолютно неприспособленной, чтобы быть женой священника.

Пока мать ходила к Демпстерам, я читал ежегодное рождественское приложение к «Газете для мальчиков», отец читал что-то трудное, для взрослых, напечатанное маленькими буквами, а мой старший брат Вилли читал «Путешествие на „Кашалоте“»; все мы сидели вокруг печки, положив ноги на никелированное ограждение, — так продолжалось до половины девятого, когда отец отправил нас с братом наверх спать. Я всегда плохо засыпал,

вот и в тот раз тоже долго ворочался в постели. Мать вернулась вскоре после того, как часы внизу пробили половину десятого. Железный дымоход той самой печки в гостиной, снизу вверх пересекавший коридор второго этажа, был прекрасным звукопроводом. Я прокрался в коридор (Вилли давно уже видел десятый сон), приблизил ухо к дымоходу, насколько позволял жар, и услышал голос матери:

— Я прихвачу тут кое-что и сразу назад. Может случиться, что задержусь на всю ночь. Достань из сундука все пеленки, какие там есть, а потом сбегай к Рукле, пусть даст большой пакет ваты — самой лучшей, — и сразу отнеси к Демпстерам. Доктор говорит, если нет большого, можно два маленьких.

— Ты что, хочешь сказать, что уже начинается?

— Да. Очень рано. А ты потом ложись, меня не жди.

Но отец, конечно же, не лег, ждал до четырех утра, когда она вернулась, чтобы вскоре опять уйти к Демпстерам. В голосе матери (я опять подслушивал их разговор) звучали решительность и непонятное мне беспокойство. Всю эту бессонную ночь я мучился ощущением какой-то беспричинной вины.

Вот так ранним утром 28 декабря 1908 года появился на свет Пол Демпстер, человек, о котором вы не могли не слышать (правда, под совсем другим именем).

2

Дорогой директор! Я намеренно начинаю этот рассказ с рождения Пола Демпстера, ведь именно в этом событии следует искать корни всего, что впоследствии произошло. Хорошо, скажете Вы, но только с чего это он вдруг разоткровенничался? Наше профессиональное сотрудничество насчитывает много лет, и все это время я проявлял крайнюю сдержанность в том, что касается моих личных дел, — так что же подвигло меня на этот рассказ?

Все объясняется тем, что меня глубоко оскорбила дурацкая заметка, появившаяся в «Хронике колледжа», в летнем выпуске 1969 года. Этот опус возмутил меня не только своей безграмотностью (хотя, как мне кажется, ежеквартальный орган одного из лучших в Канаде учебных заведений мог бы поостроже относиться к своим публикациям), но и тем, что я представлен чита-

телю таким типичным старым учителем, уползающим на пенсию, — слезы умиления на глазах и капля на кончике носа. Да что там рассказывать, вот эта чушь во всей ее неприглядности:

Прощай, Пробка

В этом июне центральным событием конца учебного года стал обед в честь Данстана («Пробки») Рамзи, уходящего на пенсию после сорока пяти лет работы в нашем колледже, из которых двадцать два последних он был у нас заместителем директора и старшим преподавателем истории. На обеде присутствовали свыше ста шестидесяти восьми Наших Парней, в том числе несколько парламентариев и два члена правительства, а наша даровитая кормилица миссис Пирс буквально превзошла самое себя, устроив для такого случая воистину великолепное пиршество. Пробка был в великолепной форме, несмотря на свои годы, а также инфаркт, сваливший беднягу при известии о смерти его давнего друга, покойного Боя Стонтона, кавалера ОБС и ОБИ, знакомого всем нам как Наш Бой и председатель правления колледжа. Долгие годы бывший наставником и другом бессчетных мальчишек, многие из которых занимают теперь видные и значительные посты, он говорил об этом времени в четкой, уверенной манере, могущей вызвать зависть и у многих молодых ораторов.

Жизненный путь Пробки может служить как примером, так и предостережением для молодых преподавателей. По его собственным словам, он пришел в наш колледж в 1924 году, намереваясь пробить тут не более двух-трех лет, — и задержался на сорок пять. Все это время он учил истории, как он ее понимает, бесчисленных мальчишек, многие из которых перешли позднее к более научному изучению этой дисциплины в университетах Канады, США и Великобритании. В качестве почетных гостей на обеде присутствовали заведующие кафедрами истории четырех канадских университетов, бывшие питомцы Пробки; один из них, доктор Э. С. Уоррен из Торонтского университета, отдал щедрую дань уважения Пробке, восхваляя его неустанный энтузиазм и шутиливо упоминая его вылазки в сумеречную пограничную зону между историей и мифом.

Не без тонкого намека на последний момент был выбран подарок, преподнесенный Пробке по завершении обеда, — великолепный магнитофон, при посредстве которого, как мы надеемся, он сможет ознакомить нас хотя бы с частью своих воспоминаний о давней и — несомненно — менее суматошной эре в истории колледжа. Дополнительным приложением стали пленка с записью великолепной речи директора, в которой он отдал дань уважения Пробке, а также вторая, где хор колледжа исполняет самый, как

нам кажется, дорогой сердцу Пробки гимн — особо уместный для данного случая! — «За всех святых, вкушающих покой». «Прощай, Пробка, удачи тебе и счастья! — говорит колледж. — Ты хорошо послужил колледжу, в соответствии с идеалами своего времени и поколения! Хорошо, верный и добрый служитель!»

Вот, дорогой директор, что сочинил и опубликовал этот невероятный олух Лорн Пакер, магистр искусств и соискатель степени доктора философии. Есть ли нужда детально анализировать причины моего возмущения? Я ничуть не сомневаюсь, что карикатурный образ, нарисованный Пакером, полностью соответствует его обо мне представлениям. Старый маразматик, сорок пять лет кряду вдальбливавший ученикам свои поверхностные, на уровне «Занимательной истории войн и сражений», представления о предмете, а в придачу — свихнувшийся на мифах (знать бы только, какое значение вкладывает этот недоучка в слово «миф»).

Я ничуть не в обиде, что он ни полсловом не упомянул мой Крест Виктории — все уже сказано-пересказано в те времена, когда считалось, что подобные награды повышают престиж учителя и школы. Впрочем, вряд ли стоит забывать десять написанных мною книг, из которых одна издана на шести языках суммарным тиражом около восьмисот тысяч экземпляров, другая же оказала весьма значительное воздействие на ту самую научную дисциплину, мифическую историю, которую Пакер делает предметом своего сомнительного остроумия. Полностью проигнорирован и тот факт, что я — единственный протестант, печатающийся в «*Analecta Bollandiana*», и остаюсь таковым уже тридцать шесть лет, притом что сам Ипполит Делэ печатно высказывал высокое мнение о моих работах. Но что мне кажется наиболее возмутительным, так это высокомерный, пренебрежительный тон данного сочинения — словно вся моя жизнь ограничена четырьмя стенами класса, словно я так никогда и не стал полноценным человеком, никогда не страдал и не ликовал, не знал ни любви, ни ненависти, не был, короче говоря, ничем иным, кроме того немногого, что доступно пониманию этого осла Пакера, чье крайне поверхностное знакомство со мной насчитывает всего четыре года. Пакер, выталкивающий меня в забвение при посредстве евангельской цитаты, грубейшая неуместность которой просто не доходит до сознания этого невежды! Пакер и его

научный подход к истории! Боже милостивый! Пакер, не способный ни понять, ни представить, что судьба и мой собственный характер отвели на мою долю пусть и не блистательную, однако жизненно важную роль Пятого персонажа. Пакер, который вообще не понимает, что такое Пятый персонаж, не понимает и не поймет, а даже и встретив исполнителя этой роли в своей убогой жизненной драме — не узнает.

Так вот, прилив сил, ощущаемый мной в этом горном приюте — в доме, хранящем истины, лежащие за многими иллюзиями, — побуждает меня объяснить, кто я такой на самом деле, и именно Вам, директор, потому что Вы стоите на вершине этого странного школьного мира, в котором я, как выясняется, выступал в столь жалком, унылом обличье. Только как же это трудно!

Взгляните на то, что я написал в начале этого мемуара. Сумел ли я хоть отчасти передать ту необыкновенную ночь, когда родился Пол Демпстер? Я вполне уверен, что бегло набросанный портрет Перси Бойда Стонтонна соответствует оригиналу, но вот как насчет меня самого? Я всегда посмеивался над автобиографиями и мемуарами, с первых страниц которых на нас глядит сметливый, очаровательный малыш, не по годам одаренный и проницательный, причем автор густо приправляет все это слащавой наивностью, словно говоря читателю: «Ну не чудо ли я был? И ведь все равно — ребенок, стопроцентный ребенок». Да помнят ли эти писатели себя детьми? Есть ли у них хоть какое-то представление, что такое ребенок?

Мое понимание детей покоится на твердой основе сорокапятилетней преподавательской работы. Мальчик — это мужчина в миниатюре; он может блистать замечательными добродетелями, проявлять черты, кажущиеся очаровательными из-за их детскости, оставаясь в то же время интриганом, эгоистом, предателем, иудой, мошенником и негодяем — одним словом, мужчиной. О эти автобиографии, сочинители которых рядятся под Дэвида Кошперфилда и Гека Финна! Лживые, лживые, как клятвы шлюх!

Смогу ли я правдиво описать свое детство? Не позволить, чтобы это омерзительное самолюбование, столь часто проявляющееся в наших представлениях о собственной молодости, ложью проползло в мой рассказ? Попробую, а там уж как выйдет. Для начала я должен дать Вам некоторое представление о поселке, где родились и Перси Бойд Стонтон, и Пол Демпстер, и я.

За последние годы кино и телевидение набили всем оскомину своими исследованиями провинциальной жизни, так что перспектива знакомства с очередным экзерсисом на эту тему может вызвать у Вас вполне оправданный ужас. Стремясь к максимальной краткости, я не буду громоздить подробность на подробность, а только подчеркну наиболее (как мне кажется) важные моменты.

Когда-то бытовало представление, что в маленьких селениях живут по преимуществу милые, забавные недотепы, не испорченные бездушным своекорыстием больших городов, хотя и проявляющие порой завидную хватку в своих местных делах. Позднее возникла мода показывать такие городки погрязшими в пороках, особенно в сексуальных пороках, подобных тем, каковые Крафт-Эбинг с превеликим удивлением обнаружил в своей Вене: за кружевными занавесками и на сеновалах бушевали инцест, содомия, скотоложество, садизм и мазохизм, в то время как на улицах все было чинно-благородно. Наш поселок никогда не представлялся мне чем-то подобным. Его жизнь была гораздо разнообразнее, чем могло показаться стороннему наблюдателю, приехавшему из большого города; наряду с изрядной долей пороков, безумств и невежества в нем можно было найти и добродетели, и гордость, и даже благородство.

Он назывался Дептфорд и стоял на берегу Темзы, милях в пятнадцати к востоку от Питтстауна, центра нашего графства и вообще ближайшего крупного города. По официальной статистике, наше население составляло около пятисот человек, вместе же с близлежащими фермами в округе набиралось до восьмисот душ. У нас имелось пять церквей: англиканская, бедная, однако обладавшая, как считалось, неким загадочным социальным превосходством; пресвитерианская, состоятельная и считавшаяся (в первую очередь своими прихожанами) интеллектуальной; методистская, неплатежеспособная и горячечная; баптистская, неплатежеспособная и благодатная; католическая, загадочная для большинства из нас, но очевиднейшим образом платежеспособная, ибо она часто и, как казалось, безо всякой к тому необходимости обновляла краску на стенах. У нас имелся один адвокат, он же мировой судья, и один банкир со своим частным банком —

в то время такие вещи еще существовали. У нас имелись два врача: доктор Маккосланд, считавшийся очень толковым, и доктор Стонтон, отец Перси, тоже очень толковый, но не по прямой своей специальности, а в сфере недвижимости — он держал уйму закладных и был владельцем нескольких ферм. Абсолютно безрукий дантист принимал своих пациентов в кабинете, грязном, как помойка; все знали, что жена держит этого бедолагу впроголодь. Наш ветеринар пил по-черному, однако умел взять себя в руки — не было случая, чтобы он не пришел на вызов. У нас имелся консервный заводик, лихорадочно грохотавший, когда было что консервировать, а также лесопилка и несколько лавок.

Самым влиятельным семейством нашего поселка были Ательстаны, разбогатевшие в начале XIX века на торговле лесом; им принадлежал единственный в Дептфорде трехэтажный дом, который стоял сам по себе, без соседей, у дороги к кладбищу; дома у нас были все больше деревянные, некоторые из них на сваях — своенравная Темза могла взять да и устроить наводнение. Одна представительница этого семейства жила напротив нас — несчастная полоумная старушка, имевшая обыкновение периодически удирать из-под надзора своей сиделки-экономки, выбегать на середину улицы, бросаться на землю, вздымая облако пыли, как курица, купающаяся «всухую», и кричать истощенным голосом: «На помощь, христиане!» Чтобы успокоить ее, требовались усилия экономки и минимум еще одного человека; довольно часто роль помощника доставалась моей матери, мое же участие не слишком приветствовалось, потому что леди питала ко мне неприязнь, — похоже, я напоминал какого-то неверного друга из ее далекого прошлого. Но сумасшествие вызывало у меня острое любопытство, я мечтал с ней поговорить, а потому при каждом ее побеге непременно бросался на помощь.

Наша семья занимала в поселке довольно заметное положение, благодаря тому что отцу принадлежала местная еженедельная газета «Дептфордское знамя». Газета не была особо прибыльным предприятием, однако вкупе с типографией, принимавшей мелкие заказы, она позволяла нам удовлетворять наши скромные нужды. Как я узнал позднее, годовые доходы отца не превышали пяти тысяч долларов. Он совмещал обязанности издателя, редактора и главного механика, да и печатал тоже сам с по-

мощью меланхолического юнца по имени Джампер Сол и девицы по имени Нелл Буллок. Это была хорошая маленькая газетка, одни ее уважали, а другие терпеть не могли, как то и положено порядочному местному изданию; редакционный комментарий (отец сочинял его прямо на наборной машине) внимательно прочитывался всеми нашими согражданами. Мы являлись до какой-то степени литературными лидерами общины, а потому вполне естественно, что отец был одним из двух членов библиотечного совета (вторым был мировой судья).

За все про все, наша семья наглядно являла один из положительных образчиков дептфордской жизни, мы понимали это и были высокого о себе мнения. В какой-то мере самомнение нашей семьи объяснялось ее шотландскими корнями; шотландский дух живуч, моя мать была шотландкой, под стать своим бабушкам и дедушкам, когда те садились в Инвернесе на корабль; отец же вообще родился в Дамфрисе и пересек океан во вполне сознательном возрасте. До двадцати пяти лет, а может и дольше, я свято верил, что шотландцы — соль земли; в нашем доме никогда не обсуждали этого положения, оно просто считалось самоочевидной истиной. Большую часть населения Дептфорда составляли выходцы из Южной Англии, поэтому нас ничуть не удивляло, что они постоянно обращались к нам, к Рамзи, за советами и рекомендациями, высоко ценя наше мнение буквально по любому вопросу.

Например, чистота. Моя мать была очень чистоплотна — *предельно* чистоплотна. Наша уборная задавала санитарный тон всему поселку. Дептфорд брал воду из колодцев; для всяких хозяйственных нужд ее согревали в баке (гордо называемом «цистерна»), установленном на краю кухонной плиты. При каждом доме имелась уборная, где-то — запущенная развалюха, где-то — аккуратное, не без претензий на изящество строение; можете не сомневаться, что наша уборная была одной из лучших. Теперь, когда «удобства во дворе» стали большой редкостью, над ними принято подсмеиваться, однако в этих кабинках не было ровным счетом ничего смешного; чтобы содержать их в приличном виде, требовалась уйма стараний.

Наряду с этим храмом гигиены мы имели в доме «химическую уборную» — на случай, если кто-нибудь заболит, — однако это чудо прогресса было таким капризным и вонючим, что

только увеличивало страдания больного, а потому использовалось крайне редко.

Вот, пожалуй, и все, что требуется рассказать о Демпфорде на настоящий момент; дополнительная информация будет вкрапляться в мой рассказ по мере необходимости. Мы были серьезными людьми, нам вполне хватало нашей общины, мы ничуть не ощущали себя ущербными в сравнении с жителями больших городов. Зато к полутора сотням жителей поселка Боулз-Корнерз, располагавшегося в четырех милях от нашего, мы относились с насмешливым состраданием. Ну как можно жить в таком захолустье?

4

Первые шесть месяцев жизни Пола Демпстера стали, пожалуй, самым приятным и захватывающим периодом в жизни моей матери и, вне всяких сомнений, самым несчастным в моей. 1908 год давал недоношенным детям гораздо меньше шансов на выживание, чем наше время, однако Пол оказался первой проблемой подобного рода в родовспомогательной практике моей матери, и она приступила к этой проблеме со всей своей решительностью и сноровкой. Подчеркиваю: она не была акушеркой, да и вообще не получила никакой медицинской подготовки, — просто одаренная здравым смыслом и сердечной добротой женщина, которой нравилось нянчиться с роженицами и младенцами, нравилась своеобразная власть сиделки над пациентом, нравилась таинственность, все еще окутывавшая в те времена некоторые специфические женские функции. Эти шесть месяцев она проводила у Демпстеров значительную часть каждого дня, а зачастую и ночи; другие женщины тоже помогали от случая к случаю, но моя мать была настоящей — и общепризнанной — верховной жрицей. Доктор Маккосланд искренне признал, что без нее он бы точно не смог вытащить маленького Пола на твердую почву этого мира.

Я узнавал все гинекологические и акушерские подробности по мере того, как они достигали ушей отца, — с той разницей, что отец слушал рассказы матери в гостиной, удобно устроившись у печки, я же в одной ночной рубашке стоял босиком, остро

ощущая свою вину, а иногда и тошноту — ведь многое из того, что я подслушивал, казалось мне совершенно ужасным.

По оценке доктора Маккосланда, Пол появился на свет дней на восемьдесят раньше положенного срока. Неожиданный удар по голове вызвал у миссис Демпстер серию истерических припадков, моя мать появилась на сцене, когда мистер Демпстер немело пытался успокоить взхлеб рыдавшую жену. Вскоре стало очевидно, что одними слезами дело не обойдется; послали за доктором Маккосландом, но тот был где-то по вызову и пришел всего за четверть часа до родов. Из-за своей малости ребенок вышел быстро — гораздо быстрее, чем то обычно бывает с первенцами, — и выглядел настолько жалко, что и доктор, и моя мать пришли в ужас (в чем они признались друг другу месяц спустя). Весьма характерно для места и времени описываемых событий, что никому и в голову не пришло взвесить новорожденного, зато преподобный Амос Демпстер сразу же его окрестил (после недолгого препирательства с доктором Маккосландом). Это никоим образом не согласовывалось с правилами его веры; надо думать, он был не в себе и руководствовался порывом, позабыв все, чему учили в семинарии. Мать рассказывала, что сперва Демпстер хотел окунуть младенца в купель, но потом, столкнувшись с категорическим запретом доктора Маккосланда, удовлетворился обрызгиванием. Пока продолжался обряд, моя мать держала ребенка — названного Полом потому, что это имя первым пришло обезумевшему отцу на ум, — как можно ближе к печке, завернув его предварительно в самое толстое полотенце, какое нашлось в хозяйстве. Но можно догадаться, что в Поле было около трех фунтов, потому что именно столько весил он через десять недель, практически не прибавив за все это время, насколько можно было судить на глаз. Моя мать не имела склонности взхлеб распространяться о жутких и неприглядных вещах, однако в ее голосе, рассказывавшем отцу об уродливости Пола, звучало что-то близкое к восторгу. Он был красный (ну конечно же, младенцы все красные) и весь сморщенный, словно крошечный старичок, для полной радости его голова, спина и значительная часть лица поросли длинными жидкими волосами. Особенно потрясли мою мать пропорции — Пол словно весь состоял из головы и живота, а его конечности

казались крошечными червячками. Ногтей у него почти не было ни на руках, ни на ногах. Его плач был похож на писк больного котенка. И все же он был жив, так что нужно было что-то с ним делать, и поскорее.

Доктор Маккосланд за всю свою практику ни разу не сталкивался с таким ужасающе недоношенным ребенком, однако он читал о подобных случаях и примерно знал, что нужно делать. Пока моя мать держала Пола в безопасной близости от печки, доктор и совершенно потрясенный отец принялись мастерить гнездо с условиями, максимально похожими на те, к которым привык младенец. После нескольких переделок получилось некое сооружение из ваты и бутылок с горячей водой — вначале к ним добавляли еще и несколько нагретых кирпичей, — прикрытое навесом, под который направлялся пар из чайника; за чайником требовалось внимательно присматривать, чтобы он не выкипел досуха и тем более не обварил ребенка. Доктор не знал, что делать с кормлением, но в конце концов они с моей матерью придумали устройство из стеклянного баллончика авторучки и клочка ваты, посредством которого они закачивали в Пола разведенное подслащенное молоко, Пол же немощно, но исправно выкачивал его обратно. Лишь через двое суток он начал удерживать в себе хоть сколько-нибудь заметную часть пищи, однако тем временем его рвотные спазмы стали чуть-чуть энергичнее; именно тогда моя мать сказала себе, что этот ребенок — настоящий борец, и твердо решила его перебороть.

Первое время после родов доктор и моя мать занимались исключительно младенцем, оставив миссис Демпстер на попечение мужа, который делал для нее все, что мог, то есть стоял на коленях рядом с ее кроватью и громко молился. Несчастный Амаса Демпстер был за пределами серьезным человеком, к тому же ни воспитание, ни обучение не привили ему ни крупицы такта; он просил Господа, чтобы Он, буде Он возжелает забрать душу Мэри Демпстер в мир горний, сделал это милосердно и безболезненно. Он напоминал Господу, что маленький Пол уже окрещен, а потому душа ребенка находится в полной безопасности и с радостью отправится на небеса в компании души материнской. Демпстер развивал эти темы со всем доступным ему красноречием, так что в конце концов доктор Маккосланд был

вынужден призвать его к порядку такими словами, какие использует молчаливый, по обыкновению, пресвитерианин, призывая к порядку эмоционального баптиста. Выражение «призвать к порядку» принадлежит моей матери, бывшей целиком и полностью на стороне доктора; истинная шотландка, она неизменно получала удовольствие, слушая, как кого-нибудь распекают (если за дело) и вразумляют. «Так себя вести над постелью этой девочки, когда она из последних сил борется за свою жизнь!» — сказала она отцу, и я легко себе представляю резкое встряхивание головой, сопровождавшее эту негодующую тираду.

Теперь я даже и не знаю, действительно ли миссис Демпстер боролась за свою жизнь; последующие события показали, что она была далеко не такой слабенькой, как всем нам казалось. Но в те времена было принято считать, что любая роженица находится на грани смерти, и пусть я знаю много доводов против этого положения, оно вполне могло быть близким к истине на тогдашней стадии развития медицины. И уж во всяком случае несчастному Демпстеру должно было казаться, что его жена умирает. Он наблюдал весь процесс родов от начала до конца, он видел своего страшного, уродливого ребенка, его подгоняли и распекали за нерасторопность врач и добрейшая соседка. Священник? Сейчас это был просто перепуганный деревенский парень, так что я ничуть не виню преподобного Демпстера за то, что он совсем потерял голову. Есть люди, которым словно на роду написано вечно терпеть невзгоды и оставаться на обочине жизни; Демпстер явно относился к этой категории, хотя не приходится сомневаться, что, стоя на коленях у постели жены, он считал свою роль в разыгрывающейся драме ничуть не меньшей, чем любая другая. Это — одна из жестоких особенностей жизненного театра, все мы считаем себя звездами, напрочь отказываясь понять и признать свою истинную сущность второстепенных персонажей, а то и статистов.

Можете себе представить, во что превратилось за эти месяцы наше домашнее хозяйство. Мой отец не роптал и не жаловался, он преданно любил свою жену, считал ее замечательной женщиной и никак не мог сделать что-нибудь такое, что помешало бы ей проявить свою замечательность во всей полноте. Ради того, чтобы малютка Пол вовремя получил из авторучки

с ваткой положенную дозу, мы питались всухомятку; когда же настал великий день и младенец отрыгнул не все, в него закачанное, отец, как мне кажется, ликовал даже больше матери.

Шли недели, сморщенная кожа Пола стала не такой багровой и прозрачной, широко посаженные глаза открылись и начали блуждать по комнате, невидящие, но уже точно не слепые, он начал сучить ножками, как нормальный младенец. Сумеет ли он оправиться окончательно? Доктор Маккосланд не делал никаких прогнозов, он был воплощением шотландской осмотрительности. Однако моя мать уже приняла боевое решение, что Пол должен иметь свой шанс.

Именно в эти недели мне довелось пережить внутренние терзания, кажущиеся теперь, с расстояния в шесть десятилетий, экстраординарными. Конечно же, у меня и потом бывали трудные времена, я не раз и не два страдал, как только способен страдать человек зрелый, и отнюдь не склонен к сентиментальным преувеличениям страданий ребенка. Но даже сейчас я с трудом решаюсь воскрешать воспоминания о тех ночах, когда я боялся уснуть и без устали молил Бога, чтобы Он простил мне мое чудовищное преступление.

Верьте не верьте, но я ничуть не сомневался, что жалкое, немощное состояние, в котором родился Пол Демпстер, а также бесконечные хлопоты, доставляемые им всем окружающим, лежат на моей совести. Не будь я таким ушлым и проворным, не увернись я в тот самый момент, когда Перси Бойд Стонтон кидал в меня сзади этот снежок, миссис Демпстер дошла бы до дому без всяких неприятностей. А Перси, неужели я не считал его виноватым? Конечно считал. Но тут имелась некоторая психологическая трудность. В нашу первую после того злосчастного вечера встречу мы приближались друг к другу настороженно, как то бывает у мальчиков, находящихся в ссоре; чувствовалось, что он расположен поговорить. Слово за слово, я исподволь перевел беседу на рождение Пола и был поражен, услышав небрежно брошенную фразу:

— Да, мой папа говорит, что доктор Маккосланд сидит там не вылезая.

— Этот ребенок родился слишком рано, — сказал я с более чем очевидным намеком.

— Прежде, что ли? — невольно спросил он, глядя мне в глаза.

— И ты знаешь почему, — не отставал я.

— Нет, не знаю.

— Знаешь, еще как знаешь. Это же ты кинул этот снежок.

— Я кинул снежок в тебя, — сказал он, — и очень хорошо тебе залепил.

Перси лгал, это чувствовалось по откровенной наглости его тона.

— Ты хочешь сказать, что ты так считаешь? — спросил я.

— Ну конечно же, я так считаю, — сказал он. — Да и тебе бы лучше так считать, если не хочешь нажать уйму неприятностей.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я понимал, что он боится, а еще я понимал, что он готов драться, лгать, готов на все, что угодно, лишь бы не признаваться в том, что известно мне. И я не понимал, что я могу с этим поделать.

Так что я остался один на один со своей виной, и она меня терзала. Я был пресвитерианским ребенком и предостаточно знал об адских муках. Среди отцовских книг был Данте с иллюстрациями Доре, по тому времени подобные книги встречались в провинции сплошь и рядом; думаю, никто из нас толком не осознавал, что Данте был католиком. Когда-то я смотрел на эти картинки с зябким удовольствием, теперь же выяснялось, что они прямо относятся ко мне, показывают, что ждет за пределами этой земной жизни таких мальчиков, как я. Я был проклят навеки. В наше время подобные фразы кажутся людям пустыми, ничего не значащими, но для меня они были полны глубокого и зловещего смысла. При всей своей увлеченности делами Демпстеров, мать заметила, что я малость побледнел и осунулся, и начала регулярно пичкать меня рыбьим жиром. Я не испытывал особых телесных страданий, зато душевных страданий было хоть отбавляй, по причине, прямо связанной с моим возрастом. Мне было почти одиннадцать лет, и я отношусь, надо думать, к скороспелой породе, во всяком случае у меня уже начали проявляться первые признаки половой зрелости.

О, сколь здоровы духом теперешние дети! Или это только так считается? Не знаю, не знаю. Во всяком случае в те времена общепринятое отношение ко всему связанному с полом было таким, что уже одного этого хватало с лихвой, чтобы превратить в ад жизнь подростка вроде меня, то есть серьезно и с глубоким недоверием относившегося ко всему действительно приятному

в жизни. Мало того, что я каждодневно слышал всякие похабные, шепотком передаваемые истории от мальчишек-сверстников, мало того, что я терзался растущими подозрениями, что и мои родители некоторым образом причастны к этому свинству, к сексу, занимавшему все большее и большее место в моих мыслях, — теперь я оказался прямо ответственным за событие, имевшее неоспоримо сексуальную природу, — за рождение ребенка. И какой это был ребенок! Из безумной путаницы моих мыслей выкристаллизовалась странная уверенность, что я более ответствен за рождение Пола Демпстера, чем его родители, и что, если этот факт когда-нибудь выйдет на свет, меня неизбежно постигнут некие страшные кары. В частности, от меня откажется мать. Эта мысль была невыносима, но я не мог выкинуть ее из головы.

Мои страдания ничуть не уменьшились, когда месяца через четыре после рождения Пола я услышал по дымоходу (не такому уже горячему, потому что наступала весна) следующий разговор:

— Я почти уверена, что маленький Пол выкарабкается. Доктор говорит, что будет задержка в развитии, но мало-помалу все придет в норму.

— Вот уж для тебя радость. Это же твоя заслуга по большей части.

— Нет, что ты! Я просто делала что могла. Но доктор говорит, что нужно, чтобы за Полом кто-то присматривал. На мать надежды мало.

— Она что, так и не пришла в себя?

— Куда там. Эта бедняжка испытала страшное потрясение. А Амос Демпстер никак не возьмет в голову, что есть время говорить о Боге и есть время полагаться на Бога и молчать себе в тряпочку. К счастью, она вроде и не понимает того, что он там плетет.

— Ты хочешь сказать, она лишилась рассудка?

— Бедняжка осталась такой же милой, спокойной и приветливой, какой была прежде, но она словно не здесь, а в каком-то другом мире. Этот снежок сделал с ней что-то ужасное. И кто бы это мог его кинуть?

— Демпстер не рассмотрел. Скорее всего, никто этого так и не узнает.

— Я иногда задумываюсь, а не может ли быть, что Данстэбл знает больше, чем нам рассказывает?

— О нет, он же знает, как все это серьезно. Если бы он знал хоть что-нибудь, он бы обязательно нам сказал.

— Кто бы это ни был, его руку направлял Сатана.

Да, и Сатана подменил ему цель. Миссис Демпстер лишилась рассудка! Я на цыпочках прокрался к своей кровати. Мне хотелось умереть, умереть этой же ночью, но в то же время я панически боялся смерти.

5

Да если бы только смерть! Прямоком в ад, на адские муки, но ты хотя бы понимаешь свое положение. Жить, тая в себе невыносимую вину, гораздо труднее. Чем дальше уходил в прошлое снежок, от которого миссис Демпстер потеряла рассудок, тем невозможнее было мне обвинить Перси Бойда Стонтонна, что это он его кинул. Его бесстыдный отказ признать свою вину усугублял мое жалкое положение, добавляя к ответственности за содеянное ответственность за умолчание. Однако с течением времени стало выясняться, что миссис Демпстер утратила рассудок далеко не в той степени, как я сперва боялся.

Моя мать с ее непогрешимым здравым смыслом проникла в корень ситуации, сказала, что миссис Демпстер осталась практически такой же, как была прежде, — ну разве что еще больше такой. Год назад, когда Амаса Демпстер привез свою миниатюрную супругу в поселок, наши кумушки дружно согласились, что ничто и никогда не сделает из этой особы настоящую священникову жену.

Как я уже говорил, в нашем поселке присутствовало очень многое из того, чем может похвастаться человечество, — многое, но не все. Одной из вещей, отсутствие которых особенно бросалось в глаза, являлось эстетическое чувство. Предки-первопоселенцы оставили нам в наследство слишком много грубой практичности, чтобы в ее атмосфере могло возникнуть поощрительное отношение к чему-либо подобному, и качества, ценимые в более цивилизованном и утонченном обществе, мы награждали пренебрежительными словами. Миссис Демпстер не была

хорошенькой — мы понимали, что такое «хорошенькая», и сдержанно признавали это качество приятным, пусть и бесполезным, — а вот кротость выражения и нежный цвет ее лица были для нас крайне необычны. Моя мать (у нее было резко очерченное лицо и коротко остриженные, чтобы поменьше с ними возиться, волосы) сказала однажды, что у миссис Демпстер лицо как миска с простоквашей. Вдобавок она была совсем миниатюрная, даже одежда, положенная священниковой жене, не могла замаскировать ее хрупкую, как у девочки, фигуру и легкую поступь. Беременность сказалась на миссис Демпстер неожиданным образом — она буквально сияла, что никак не соответствовало серьезности ее состояния; ну разве это прилично, чтобы беременная женщина все время улыбалась? И уж во всяком случае, она могла бы построже относиться к этим волнистым локонам, то и дело выбивавшимся из строгой, как то и положено, прически. Она была мила и приветлива, но разве смог бы этот тихий, нежный голос укрощать споры на собраниях женского комитета по сбору пожертвований на церковь? И почему она смеется непонятно над чем? Никто не видит ничего смешного, а она смеется.

Амаса Демпстер, казавшийся прежде вполне уравновешенным (для священника) человеком, совсем сдурел со своей женой. Он буквально не сводил с нее глаз, а еще не раз видели, как он таскает воду из колодца, хотя по заведенному порядку женщин освобождали от этой работы только на последнем месяце беременности. А посмотреть, как преподобный Амаса на нее смотрит, так можно было задуматься, в своем ли он уме. Как будто он все еще женихается, вместо того чтобы заняться своим Божьим делом и честно обрабатывать пятьсот пятьдесят долларов в год. Это столько баптисты платили своему священнику, плюс к тому скудное количество дров и десятипроцентная скидка на все покупаемое в принадлежавшей баптисту лавке — ну и еще в нескольких лавках, где, как это говорится, «уважали рясу». Подавая пример прихожанам, он возвращал церкви ровно одну десятую часть своего дохода (это считалось само собой разумеющимся). Широко выражалась надежда, что мистер Демпстер все-таки не превратит свою жену из дурочки в полную дуру.

В нашем поселке резкие слова далеко не всегда сопровождались резкими действиями. Моя мать, которую никто не обви-

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТЫЙ ПЕРСОНАЖ

Перевод М. Пчелинцева

I. Миссис Демпстер	7
II. Я родился заново	72
III. Моя малоумная святая	119
IV. Гигес и царь Кандавл	165
V. Лизл	210
VI. Суаре иллюзий	250

МАНТИКОРА

Перевод Г. Крылова

I. Почему я поехал в Цюрих	295
II. Дэвид против троллей	359
III. Мой зоргенфрейский дневник	525

МИР ЧУДЕС

Перевод Г. Крылова

I. Мех в дыму	567
II. Смех Мерлина	714
III. Le lit de justice	875
Примечания. М. Пчелинцев, Г. Крылов	897

Литературно-художественное издание

РОБЕРТСОН ДЭВИС
ПЯТЫЙ ПЕРСОНАЖ
МАНТИКОРА
МИР ЧУДЕС

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать 24.07.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

1-ILN-24877-01-R